

«È Ø ãðàì àòáv áéàçî ðî dí ûé...»

È àððèáóðèè î èèààà Áààì áâèèÿ èç ñî áðàì èÿ Ì ñèî âñèî âî ì óçàÿ

ПСКОВСКИЙ музей-заповедник владеет одним из крупнейших в стране собраний художественного серебра. Разнообразные по назначению и выполненные в различных техниках изделия, принадлежащие широкому хронологическому периоду XV – XX вв., представляют творчество мастеров серебротеления ведущих художественных центров России и Западной Европы.

Особый интерес вызывает группа памятных, предназначенных для богослужебного использования и имеющих вкладные надписи.

Щедрые дары – земельными угодьями, золотой и серебряной утварью, предметами церковного убранства в виде лицевого шитья, иконописи и книгами – получали монастыри и приписанные к ним храмы, приходские церкви.

В XV - XVII веках записи о вкладах встречаются в соответствующих документах – в «данных», духовных и жалованных грамотах, переписных монастырских книгах, синодиках и непосредственно на предметах – крестах, литургических сосудах, на полях и окладах священных книг.

Традиция вкладов на помин души существовала издревле. Вкладные записи, сообщающие даты, имена, место и условия вклада – своеобразного договора о «вечном» его хранении для последующей молитвы за самого вкладчика и его близких, являются важным источником для изучения российской средневековой культуры. Тем более велико значение вкладных записей в том случае, если удастся связать их с определенными лицами, роль которых для истории Русского государства была значительной.

Возможность прикоснуться к такой незаурядной личности появилась в связи с

Родникова Ирина Самойловна – член Союза художников России, Заслуженный работник культуры России, старший научный сотрудник Псковского музея-заповедника

атрибуцией оклада Евангелия, хранящегося в фондах Псковского музея. К сожалению, сама книга не только не сохранилась, но от оклада осталась лишь его верхняя доска, на затянутой алым бархатом поверхности которой закреплены серебряные золоченые накладки, образующие традиционную композицию из средника и наугольников, дополненную рядом деталей.¹

Согласно православному канону, святое Евангелие «есть как бы Сам Христос и через Него – Церковь Его», поэтому в храме оно находится «в алтаре, символизирующем Небо», на престоле, «изображающем Престол Божий», оно «разнообразно украшено, потому что Бог в лепоту облечется (Пс. 92:1), Ему принадлежит слава, у Него великолепие, и красота, и великое богатство дарований» (Симеон Солунский, XIV в.). Изображение Евангелия как книги Нового закона, олицетворяющей идею справедливости, выполняет важную роль в составе композиций «Страшный Суд» (сюжет «Этимасия» – Престол уготованный) и Деисус (со Спасом на престоле).

Среди вкладов в виде книг Евангелие – самая многочисленная и богато оформленная, конечно, в зависимости от состоятельности вкладчика. Заметим, что предметом вклада бывала не только сама книга в окладе, но и драгоценный материал для будущего оклада, о чем говорит псковский письменный источник XV в. – известная «Духовная Акилины, жены князя Федора» (1417 - 1421 гг.). Псковская княгиня среди прочих «раздач» завещала: «... а колтки свои золоти велю мужи своему Федору и отцю своему духовному Захарьи попу в ... (не читается. – И.Р.) своя золотая даю на Евангелъе Успенью святей Богородици в манастырь». (Успенский женский монастырь с Полонища – И.Р.)² Драгоценностью убора отличается внушительных размеров Евангелие московской печати 1689 г. работы мастеров царской Оружейной палаты

посл. четв. XVII в. (Псковский музей) – вклад архиепископа Феофана Прокоповича в Троицкий собор (на псковской кафедре находился в 1718 - 1726 гг.).³ Пышность оклада, впечатляющего блеском серебра, золота, драгоценных камней и эмалей, отвечала не только вкусам эпохи конца XVII в. и значимости вклада – при вступлении на кафедру, но и возможностям именитого вкладчика, сподвижника Петра Великого. Первый митрополит псковский Маркелл ознаменовал свое пребывание на престоле многими дарами в псковские монастыри и храмы, в том числе великолепное Евангелие в драгоценном уборе, выполненное в 1685 г. в Москве «на его келейные деньги», было вложено в Троицкий собор (ныне в ГРМ).⁴

Отметим, что большинство окладов Евангелий из псковского собрания значительно скромнее, однако отсутствие драгоценных камней, эмалей и сложных техник не умаляют их художественных достоинств.

Оклад Евангелия, о котором пойдет речь, относится к таким памятникам. Его типология характерна для традиции, бытовавшей во временном диапазоне XVII – XVIII вв. Убор верхней доски выполнен в технике чеканки высокого рельефа. На фигурной форме среднике – трехличный Деисус на узорном канфаренном фоне: Спаситель изображен сидящим на престоле с высокой спинкой и двухступенчатым подножием; на раскрытом Евангелии в Его руке надпись: Придете ко мне, все труждающ [ ]; Богоматерь показана в позе моления, Иоанн Предтеча – во власянице, со свитком в руке с надписью: сей Агн [ ].

Справа и слева от Деисуса – чеканены фигуры двух Архангелов: изящные, в лоратных одеждах, со сферами и жезлами в руках (последние – процветшие вверх и с трезубцем вниз); все вместе – своеобразный пятифигурный деисусный чин. Над Деисусом и под ним – две фигуры шестикрылых Серафимов, которые, согласно Писанию, двумя крыльями закрывают лица, двумя – ноги, а двумя летают, восклицая: свят, свят, свят. По Симеону Солунскому, «шестикрылия ... могут изображать Распятого, ибо верхние и нижние крылья суть как бы центральное древо креста, а боковые крылья – поперечное». Таким образом, окружающие Престол «Силы

Небесные» – фигуры Архангелов и Серафимов – олицетворяют небесную стражу и небесную славу Пантократора – Судии.

На четырех наугольниках чеканены сцены создания Евангелия: трое сидящих и пишущих евангелистов с книгой-атрибутом на фоне сложных архитектурных кулис – палат с куполами, башенками и аркадами, – покрытых сплошным резным орнаментом, в том числе и фон заполнен растительным и шашечным (пол) узором; на наугольнике вверху слева изображен Иоанн Богослов с Прохором на Патмосе: сидящий на уступе скалы апостол диктует ученику, сидящему и пишущему в пещере на фоне гор, поросших деревьями и цветами. Между наугольниками, по краю доски, закреплены полосы чеканного прорезного зубчатого орнамента, составленного из стилизованных трилистников с мелким «жемчужником». Средник и наугольники обведены по краям горошчатым ободком.

Иконографический состав средника и орнаментальный бордюр по периметру доски, а также стилистические признаки оклада (трактовка сюжетов и деталей чеканки, «ковровость» резного орнамента, измельченного и густого, покрывающего чеканную поверхность) находят параллели преимущественно в изделиях вт/п XVII – п/п XVIII вв. Такие детали, как Архангелы и Серафимы, встречаются и в более ранних образцах, например, на окладе Евангелия Боровского монастыря новгородской работы 1532 - 1533 г. (ГИМ).

Примеры аналогий отдельным компонентам оклада можно обнаружить в памятниках, происходящих из разных центров серебрodelия – Москвы, Владимира, Суздаля, Новгорода, Костромы, Пскова, например: оклады московских мастеров 1668 г. (ГММК)⁵ и вт/п XVII в. (ПГОИАХМЗ)⁶; 1666 и 1699 гг. из Владимира и Суздаля (Владими́ро-Сузда́льский музей-заповедник)⁷; средник и наугольники оклада вт/п XVII в. из Софийского собора в Новгороде (НГМ)⁸; 1677 г. – из Костромы (ГИМ); псковские изделия к. XVII в. (ПГОИАХМЗ); оклады Евангелий и икон, оформленные по краю поля накладными полосами с просечным чеканным орнаментом, встречаются в памятниках рубежа XVII - XVIII вв. и нач. XVIII в. (московские оклады Евангелия 1706 г. и иконы Богоматери Петровской – оба в ГММК).⁹

Аналогии оклада как цельному памятнику выявить невозможно, потому что он сборный: средник и наугольники стилистически отличаются от фигур Архангелов и Серафимов, но относятся к одному времени – XVII столетию. Конкретнее, в произведении явственны черты искусства вт/пол. XVII в.: в характерных позах евангелистов, фигуры которых не доминируют в композиции, а почти сливаются с антуражем; в моделировке одежды, изображении архитектурной декорации и гор, в максимальной заполненности плоскости рисунком.

Все девять частей оклада выполнены очень мастеровито, чеканщик великолепно владеет материалом и формой. Средник и наугольники отличаются объемной пластикой, тонкой градацией и разнообразием высоты, фактурной проработкой рельефа. Статичные фигуры тронного Спаса и предстоящих оживлены прихотливой игрой складок одеяний, то мягких и легких, то изысканно-острых, то декоративно струящихся, придающих сцене определенный динамизм. Композиция Деисуса точно вписана в средник сложной конфигурации, и, несмотря на касание фигур контуров средника, они свободно располагаются в пространстве.

Столь же талантливо выполнены изображения Архангелов, их невысокий рельеф, продиктованный миниатюрным масштабом, впечатляет тщательностью разделки чеканной поверхности, тонкостью, «ажурностью» абриса силуэтов хрупких фигур с правильно моделированными ликами.

Полоса просечного орнамента – более поздняя деталь, истоки которой восходят к образцам вт/п XVII – нач. XVIII в., и была прикреплена во время ремонта оклада, все части которого грубо прибиты позднейшими гвоздями на доску, покрытую бархатом XIX в., что позволяет с большой долей вероятности предположить сборку оклада тогда же. Более точное время определим позднее.

Приведенное выше описание оклада соответствует имеющемуся в музейной картежке, датированной 1951 годом. Однако тогда осталась незамеченной очень интересная и важная деталь: внутренняя вертикальная, загнутая по краю доски полоса оклада содержит вкладную надпись, вернее ее сохранившуюся

часть (торцы – гладкие): «Поданиемъ боярина Бориса Петровича Шереметова и посадниковъ при архимандрите Иоиле збрат...». Удалось связать оклад с записью в довоенной музейной инвентарной книге 1937 г., по которой эта «доска с убором из 13-и накладок» поступила в музей из ц. Варлаама Хутынского, возможно, в 1934 г.¹⁰ Здесь же есть примечание: «При доске сохранились первые три листа печатного Евангелия 1681 г.» (сейчас отсутствуют).

Упомянутые в надписи лица имеют отношение к Пскову.

Вкладчик – боярин Борис Петрович Шереметев идентифицируется с будущим легендарным фельдмаршалом, сподвижником Петра Великого, и псковским воеводой в 1683 - 1685 гг.¹¹ Архимандрита Иоила находим во главе братии Снетогорского монастыря в 1684 - 1690 гг.¹² Простое сопоставление времени совместной деятельности в Пскове воеводы и игумена выявляет лишь два года, когда могло быть вложено Евангелие в Снетогорский монастырь – в 1684 - 1685 гг.

Настораживает, однако, отсутствие в надписи указания на воеводскую должность Шереметева, притом, что традиционная формула вкладной надписи обычно содержит не только титул: боярин. Исходя из этой данности, необходимо рассмотреть и другие версии времени вклада. Речь об этом пойдет ниже, в русле бурных событий жизни Бориса Петровича. О Пскове в его судьбе хорошо известно в связи с Северной войной и ролью командующего войсками, базирующимися в Пскове для походов на Прибалтику. Двухлетнее пребывание на псковском воеводстве осталось вне поля зрения биографов и исследователей, начиная с XVIII в. и кончая современными статьями и монографией.¹³ Для нашей же темы интересна именно эта часть биографии фельдмаршала, но прежде обратимся к еще более раннему ее периоду.¹⁴

Б.П. Шереметев по рождению принадлежал к среднему слою московского не княжеского боярства «старого корня», предки которого издавна служили князьям московским. От общего предка вели свой род знаменитые бояре Захарьины, Колычовы (св. митрополит московский Филипп, в мире Федор Степанович Колычов), Романовы и Шереметевы.

Начавший угасать к к. XVI в., род Шереметевых получил импульс к дальнейшему развитию благодаря ветви «псковских» бояр Шереметевых, идущей от Петра Никитича Шереметева. Он был псковским воеводой в 1606 – 1608 годах, в период начала Смуты. Как известно, псковичи присягнули Лжедмитрию II, воевода был арестован в 1609 г. и позднее убит в темнице.¹⁵

У Петра Никитича было три сына – Иван, Василий и Борис, от которых потомство разделилось на три колена. Из двух сыновей Василия Петровича – Петр Васильевич Большой, с Псковом связан не был (воеводой в Пскове в 1676-1677 г.г. был другой родственник, его дядя Шереметев Петр Васильевич Меньшой), и находился (с 1644 г.) на государственной службе, об успешности которой говорит его послужной список: стольник, рында, чашник, в 1645 г. принимает участие в различных придворных церемониях, в том числе при коронации царя Алексея Михайловича, в 1648 – при его бракосочетании. С 1654 г., будучи воеводой в Киеве, Петр Васильевич участвует в военных походах на Литву; в 1657 г. произведен в бояре, на следующий год отправлен Великим послом на съезд в Вильно с титулом наместника Смоленского. Дипломатическая деятельность продолжена в 1684 г.: с титулом Ближнего боярина и наместника Нижегородского он входит в состав посольства, в «Боярской разрядной книге» 1686 г. написан «Вторым боярином» и Оружейничим.

В центре многих событий «бунташного века» эпохи царствования Алексея Михайловича имя Петра Шереметева встречается часто. Он проявил себя деятелем дальновидным, энергичным, с культурными интересами, проникнутыми юго-западным влиянием (польским) и пониманием важности образования. Последнее проявилось в том, что как киевский воевода Петр Васильевич решительно встал на защиту Киевской Духовной Академии, которую Москва захотела упразднить. Царь ценил его и одаривал «милостыями»: в 1668 г. пожаловал за ратную службу соболями, причем «и бывших с ним детей» (Бориса Петровича?); в 1672 – «похваляя многие его себе и к государству службы» велел «дать из поместий его в вотчину» в

Нижегородском, Вологодском и Кашинском уездах 320 четвертей ...» К концу жизни П.В. Шереметев (умер в 1690 г.) – один из богатых и влиятельных бояр при царском дворе.

Старший, «Большой», сын его – Борис Петрович славой многократно превзошел отца. В предисловии к «Записке о путешествии» за границу Б.П. Шереметева в 1697 - 98 годах (изданной в 1773 его сыном, гр. П.Б. Шереметевым) неизвестный автор среди традиционных для жанра панегирика похвал подчеркнул не только такие достоинства именитого путешественника, как «искусство в делах военных, коими особливо просиял, и гражданских, министерских, посольских», но и его привлекательные человеческие качества – верность долгу, совестливость и человеколюбие, проявленные на протяжении всей его долгой жизни в различных ситуациях. Недаром, пишет он, «из всех государей, коим служил, а паче у Петра Великого, имел он... особливую честь, похвалу и поверенность...».

О молодых годах выдающегося фельдмаршала петровского времени сведений почти не имеется. Родился он 25 апреля 1652 г. в Москве, но детство и отрочество его прошли в Киеве и, как отмечает А.И. Заозерский, «пробывание в Киеве – едва ли не самый яркий момент в ходе нравственного развития Б.П. Шереметева».

Город пленил его навсегда, особенно притягивала Лавра, с которой на всю жизнь сохранились дружеские и духовные связи. Одно время он даже думал постричься в Киевской Лавре, а в своей духовной завещал там же и похоронить себя, хотя бы смерть «настигла его в Москве или ином котором месте от Киева во отдалении...» Существуют данные, что он учился в Киевской коллегии (потом Академии), получил приличное образование, знал польский язык и немного латынь. Впоследствии был дружен с митрополитом Киевским Иосифом Кроковским, ректором Академии и почти его ровесником. В доме отца Борис Петрович общался с польской знатью и другими «иноземцами». Позже, при московском дворе, где господствовал «политес с маниру польского», эти навыки «западной образованности» пришлись очень кстати.

Родовитость и заслуги отца предопределили внимание к 13-летнему юноше царя

Алексея Михайловича: в 1665 г. он был пожалован в комнатные стольники и на долгие годы остался на государственной службе, 17 лет исполняя обычные обязанности для стольника, затем рынды: например, присутствовал при посольских аудиенциях, сопровождал царя в поездках по монастырям и подмосковным селам. При этом, по словам его первого биографа Г.Ф. Миллера, писавшего почти по следам событий, «он казался рожден к военным подвигам, к коим отец с 1666 году его и приучил» (т.е. в 14 лет). Видимо, имеются в виду «баталии» 1666 - 1668 гг. против бунтующих казаков в Украине. Проявленное рвение к ратной жизни было вознаграждено, Шереметев получил в 1669 г. 200 дворов в Тверской губернии, 4 тыс. рублей и 40 соболей «за усердную службу».

Однако вскоре в военной карьере наступило загибание – 19 сентября того же года Борис Петрович женится на Евдокии Алексеевне Чириковой, дочери стольника, и до 1675 г. на службу не является. Но в этом году (1675) он уже числится «в товарищах» со своим отцом-воеводой «против казаков и татар» в Путивле, а в 1681 г. сам возглавляет часть войска в борьбе с крымскими татарами, за что получает звание воеводы и наместника Тамбовского.

По возвращении его из похода в 1682 г. скончался царь Феодор, и вихрь событий в связи с престолонаследием (посаждением на один престол сразу двух царевичей – Иоанна и Петра с соправительницей Софьей) и стрелецким бунтом охватил все сферы жизни. В этом жестоком круговороте никто из Шереметевых не пострадал. С воцарением Иоанна и Петра Алексеевичей, сразу на другой день, 26 июня 1682 г. Борис Петрович был пожалован в бояре. С этого времени он принимает самое деятельное участие в порученных ему государственных делах, в частности в дипломатических переговорах в качестве члена Боярской думы.

Незаурядные организаторские и дипломатические способности, как и опыт военной службы, способствовали новому назначению – на псковское воеводство, место нелегкое и престижное. Пограничный Псков был опорой государства Московского на западных рубежах. Через два десятка лет он сыграет очередную важную роль в осуществлении

стратегических задач, выдвинутых тогда перед Россией ходом истории. Б.П. Шереметев станет активным участником тех эпохальных событий и волею судьбы свой фельдмаршальский жезл получит в городе, где в 30 лет стал воеводой.

В Пскове Борис Петрович появился весной 1683 г. (а не в августе, как это ошибочно считается сегодня)¹⁶, точнее: в апреле-мае (с 11 по 21 апреля и 1, 7 мая) им как «боярином и воеводой» подписано 6 документов о судебных расследованиях, а 14 мая подписана «данная» на землю под строительство Святодуховского девичьего монастыря в Пскове, следовательно, к этому времени он уже вступил в должность, принял город у воеводы М.А. Голицына и в течение двух лет, до весны (тоже мая) 1685 г., возглавлял администрацию Пскова и Псковской земли.

Институт воевод был вызван потребностью военного времени, но особенное значение приобрела должность воеводы с начала внутренней Смуты (нач. XVII в.). В его лице центральная власть приобрела своих представителей, сосредоточивших в руках суд, административно-полицейскую расправу, податные функции и военную охрану областей от внешних и внутренних врагов при содействии войск новой формации – стрельцов и рейтар. Воевода был исполнителем предписаний столичных приказов, однако имел большие полномочия и возможности, полагаясь на свое усмотрение, «смотря по тамошнему делу, как окажется пригоже».

В пограничном городе к воеводе предъявлялись и специфические требования, сведения о которых можно почерпнуть из «Наказа» 1652 г. царского правительства стольнику и псковскому воеводе Матвею Васильевичу Шереметеву, родному дяде Б.П. Шереметева (на воеводстве был в 1656 - 1657 гг.).¹⁷ Помимо контроля над учетом всех запасов вооружения и продовольствия («в казне зелье, и свинец, и всякие пушечные запасы, и денежную казну, и в житницах всякие хлебные запасы, и соль ...»); осмотра и проверки всех жителей «налицо» («по спискам» «дворян и детей боярских пскович», а также пригородов и уездов «всяких служилых, посацких и жилецких людей, конных и пеших»), а также всех крепостных сооружений («городовых

крепостей, тайников и колодезей», их «починять», где «порушились» или «вновь поделать»; предусматривается даже «изготовка кольев и каменьев» на случай осады, чтобы «в приступное время безстрашно и надежно до приходу воинских людей, заранее»; мер по предупреждению моровых поветрий (на заставах «смотреть и беречь накрепко, чтоб ... из моровых мест во Псков, во псковские пригороды и в – ьные ни в которые государевы города никак человек не проехал, и прошол, и не прокрался никакими обычеи») и пожаров; наведения порядка по сыску преступников («чтобы разбою и татьбы, и смертного убойства, и грабежей, и корчмы... ни у ково не было»), псковский воевода отвечал за прибытие в Псков и передвижение через город в столицу и иные города торговых людей, или едущих к родственникам, или «для каких-то дел»: в Съезжей избе всех «приезжих и прихожих людей» велено расспрашивать, записывать имена «с отцы и с прозвище, которого числа и какой хто человек и откуда, и х кому, и каких для дел приехали и пришли». Все эти предосторожности были продиктованы опасением, «чтобы из городов для воровства и из-за рубежа для лазучества во Псков никто не приезжали и не приходили» – для псковских земель внешний враг являлся реальностью и в мирное время, когда по данным описей во Пскове, например, в 1687 г. число воинских людей доходило до 5103 человек, а побывавший здесь в составе посольства в 1664 г. голландец Николаас Витсен оставил замечательный дневник путешествия, где отметил с сожалением суровые псковские порядки, запрещающие приезжим даже приближаться к укреплениям, воротам и церквам, гулять же по городу только в сопровождении солдат.¹⁸

Вероятно, такой же наказ в свое время получил и Б.П. Шереметев: так же велено ему было «во Пскове жить с великим бережением неоплошно... как лутче и пристойнее... и во всем государеву делу искати прибыли».

В годы его правления в Пскове было относительно спокойно. Ряд письменных источников освещает некоторые направления деятельности молодого воеводы, только что заступившего в должность, – судебное и административно-хозяйственное. «Дело»

стрельцов Евтифея Игнатьева и Сидорки Антипова от 17, 21 апреля и 7 мая 1683 г. «о произнесении непристойных слов»¹⁹ – самые ранние сохранившиеся документы за подписью «боярина и воеводы» Б.П. Шереметева. «Дело» затянулось и лишь в середине ноября было закрыто. Примечательна тщательность расследования с привлечением многих свидетелей и справедливость решения о наказании, отосланного воеводой в столицу: «а про них, Сидорка и Евтюшка, въ сыску псковичи посадцкие люди и псковские стрелцы всех четырехъ приказовъ сказали, они де, Сидорко и Евтюшка, непристойными словами погрешили пьянымъ обычаемъ, безо всякого умышления, а напредъ сего они были добрые и смирные люди, ни за какимъ воровствомъ и за бесчинствомъ не хаживали, и отъ наказанья даны они въ томъ на крепкие поруки зъ записми, а ручались по нихъ псковские стрелцы всехъ четырехъ приказовъ, что за порукою ихъ имъ впредь непристойных слов не затевать и не говорить».

В «Псковских актах» А.Ф. Бычкова содержатся челобитные от 13, 20 ноября и 17 октября 1683 г. по судебным искам: об ограблении стрельца Юрия Дорофеева «на кружечном кабаке» «неведомыми ворами» и его же жалоба на старост, не заплативших «за работы по воротному строению на боярском дворе у боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева»; челобитная строителя «Обрасковского монастыря с Поля» черного дьякона Иоасафища на бежавшего повара, унесшего казенные и «келейные деньги» челобитчика; память (распоряжение. – И.Р.) Шереметева подьячему Псковской Приказной избы о высылке «за поруками» Пусторжевского жителя, обвиненного в бесчестии» своего земляка.²⁰

В годовой смете на 1684 г., составленной дьяком Никифором Кудрявцевым с привлечением каменщиков и каменных дел подмастерьев, воеводой предусматривается в Пскове «укрепление Окольного города, стен и башен».²¹ В декабре 1684 г. по распоряжению Шереметева составлена смета «на опочекое городовое строение».²²

Ряд документов проливает свет на особое отношение Бориса Петровича к проблемам, порожденным давним спором между

духовенством и псковичами относительно владения монастырями и церквями вотчинами и их доходами.

Известно, какое важное место занимали монастыри и монастырский обряд в духовном обиходе древнерусского человека. Шереметев также чтит монастыри. Для него они были средоточием церковно-религиозной жизни, и в их посещении он находил удовлетворение своим духовным потребностям. Напомним, что с ранних лет Борис Петрович соприкасался с носителями католической веры (см. выше о впечатлениях киевской жизни), которая являлась символом западной культуры. Позже, будучи за рубежом, он с усердием посещал европейские храмы и поклонялся католическим святыням. В «Записке о путешествии» Шереметев не обнаруживает ни малейшего неприятия «латынства», напротив, восхищается отношением католиков к своим реликвиям, подчеркивая: «вся сия у них зело в великом благоговении и почитании».

Увиденные чудеса паломник описывает трепетно-доверчиво. Так, он пишет, что в одном женском монастыре Неаполя кровь мученика Януария, заключенная в хрустальный сосуд, «пречудесно показуется кипением, аки бы жива»; затем говорит, что посетил дом Богородицы, перенесенный в Лоретто (Италия) из Назарета; рассказывает о лестнице, по которой Иисуса вели к Пилату и «кровь Его капала на той лестнице, которая видна до сего дня и над которой ныне учинены кресты: паломники ходят непрестанно на ту лестницу, ползаяще на коленях и на всякой ступени говорят «Отче наш»; упоминает крест-мошевик с необычными для православной традиции вложениями, свидетельствующими земную жизнь Спасителя – «часть пупа Христова и часть обрезания». Многие из этих святынь должны были бы вызвать сомнения у православного образованного человека. Однако Шереметев искренне верит в истинность существования и святости «риз, сделанных от ангелов св. апостолу Петру», «части башмаков Христа», «двенадцати зерен чечевицы» – святынь католических преданий и апокрифов (например, «зерна чечевицы», видимо, подразумевают ту чечевичную похлебку, за которую, по Библии (Быт., 25, 24), Исав продал своё первородство Исааку). Удивляет

наивное восприятие святости, особенно осязаемое, к примеру, в рассказе о чуде с «живой кровью» мученика Януария: Шереметев, став свидетелем чуда, увидел в происшедшем знак высшей благодати для себя, пояснив, с видимым удовлетворением, что «это деяние дается по грехам», т.е. лицезреть его может только праведник.

«Записка» подтверждает исключительную набожность Бориса Петровича, его стремление к поиску духовного, христианских добродетелей в наполненной суетой праздной жизни путешествующего знатного вельможи. Недаром, объясняя австрийскому императору причину своего вояжа, Шереметев говорит, что был побужден не столько любопытством видеть страны, сколько обетом посетить гробницу св. Петра и Павла в благодарность к апостолам, которым молился перед победоносными сражениями и дал клятву поклониться в Риме их мощам. Таким образом, на первом месте указан религиозный мотив, хотя цели, как известно, были иными: Шереметев последовал на Запад за «Великим посольством», в составе которого находился сам Петр, в поисках союзников для совместной борьбы с османами. То, что Борис Петрович обладал даром дипломата и был не чужд восприятию западной культуры, сыграло не последнюю роль при выборе кандидата в путешественники.

Сам о себе Шереметев сказал: «... не испытлив дух имею», подразумевая отсутствие интереса к рассуждениям на догматические темы. В действительности он был, несмотря на свой «европеизм», человеком консервативным, и его отношение к вопросам вероисповедания вполне согласуется с верностью добрым русским традициям, идеологическим устоям православной старины: всей своей деятельностью Шереметев пытался осуществлять принцип подчинения светского начала церковно-религиозному, на котором, собственно, и строилось древнерусское духовное мировоззрение, и испытывал постоянную потребность активно участвовать в церковной жизни.

В его духовном завещании, составленном весной 1718 г., превалирует внимание к пункту о денежных раздачах по церквям и монастырям, о днях поминовения и кормов,

о «щедрых подаяниях разным духовным особам».

А Борису Петровичу было чем одаривать. Он обладал особым талантом приумножать свои владения, постоянно удачно приобретая вотчины и поместья, в имениях сумел организовать передовое многоотраслевое хозяйство. К концу жизни он стал одним из богатейших, блестящих вельмож петровской эпохи. Огромные земельные богатства и денежные доходы позволили потомкам Шереметева в XVIII - XIX вв. воздвигать дворцы и устраивать парки в Петербурге и Подмосковье, собирать коллекции произведений искусства мирового значения. Конечно, он был сыном своего времени и подобно другим «птенцам гнезда Петрова» не свободен от недостатков, связанных с методами обогащения (как говорят, «по временам и нравы»). Между тем, по А.И. Заозерскому, «относительно Бориса Петровича Шереметева нет никаких указаний на то, чтобы когда-нибудь он приложил руку к государственной казне, хотя всегда имел к тому полную возможность. В этой способности никогда не терять из вида за личными интересами интересов государственных, а часто и подчинять первые последним, надо думать – главный источник особого уважения к Шереметеву окружавших его и той популярности, какой он пользовался в армии и в широких слоях населения». Петр I неизменно оказывал ему исключительные знаки уважения, принимая его, по выражению очевидца, «не как подданного, а как гостя-героя», и только Шереметеву (и еще князю Ф.Ю. Ромодановскому – начальнику тайной полиции) разрешено было входить в царский кабинет без доклада.

О том, в какой мере была привлекательна для Шереметева молитвенная обстановка уединенной обители, говорит еще более выразительный документ. В своем имени Борисовке на Полтавщине, где находились обширные земельные владения, он основал по обету, данному перед Полтавским сражением, Борисовский женский монастырь во имя Божией Матери Тихвинской и сам же составил «Завет», или руководство, для жизни в монастыре – правила хозяйствования и поведения инокинь, «чтобы чин монашеский и всякое благочестие и смирение соблюдалось».²³

Как заметил А.И. Заозерский, автор «Завета» выступает «как организатор монастырской жизни и охранитель монастырских нравов», столь всесторонне подготовленный к решению неожиданной задачи, что «нелегко поверить, что это был фельдмаршал, занятый беспрерывными походами». В военном дневнике 1710 г. есть описание одного дня Шереметева во время краткого пребывания в столице: «Генерал-фельдмаршал поутру рано в 8-м и 9-м часу пополуночи, ездил в Кремль и ходил по всем соборным церквам и по монастырям и прикладывался ко всем святым мощам, и слушал литургии в Чюдове монастыре в трапезе, где есть гроб чудотворца Алексея».²⁴

Как говорилось выше, особенно глубокая связь была у Бориса Петровича с Киево-Печерской Лаврой, где, по его «духовной», он «хотел быть... жителем» (т.е. постричься там в монахи). Ранее он сделал замечательный вклад в обитель: сохранились воспоминания очевидцев о замечательной красоте царских вратах в иконостасе Успенского собора: «под чудотворным образом Успения, вылитые из чистого серебра, это благочестивый дар боярина Шереметева, сподвижника Петрова на поле битв и в украшении храмов».²⁵

Псковское «сидение» на воеводство – самый ранний период в биографии Б.П. Шереметева, где его попечительство о монастырях и церквях нашло отражение в письменных источниках, свидетельствующих, что он всячески способствовал их строительству и развитию в Пскове и уездах, поддерживал ходатайства о приобретении земель и других угодий для монастырских нужд, своей властью старался сглаживать границы, отделявшие в пределах церкви мирскую сторону жизни от духовной. Приведем известные нам примеры распоряжений воеводы в этой сфере жизни псковской епархии.

14 мая 1683 г. Б.П. Шереметев дал данную на «порозжее» (пустое) оброчное место в Пскове строительнице «Духовского девича со Усохи» монастыря Соломаниде с сестрами «под церковное строение ... идучи с площади к средним Великим воротам по Большой улице на левой стороне у Великих ворот подле городовые стены что смежно к их монастырскому месту, на котором месте жил до пожара псковитин посацкой человек Мартишко

сапожник ...».²⁶ (Пожар случился в ночь с 11 на 12 мая 1682 г., когда погорели Окольный город и Застенье.)

11 сентября 1683 г. в отчетной годовой смете записано: «После пожару на Москве построен монастырской приезжей двор. Да во Пскове после пожару 1682 года на монастырском приезжем подворье построили церковь каменную новую и деревянные всякие хоромы, а работникам выдано за работу...»²⁷ Речь идет о храмоздательской деятельности игумена Псково-Печерского монастыря Иоасафа (1682 - 1686), нашедшего щедрую поддержку у воеводы Шереметева в возведении монастырских построек в столице и Пскове. О строительстве в Москве записано и в монастырской летописи под 1683 г.: «Строен монастырский приезжий двор в Москве при строителе печерского монастыря монахе Пафнутии».²⁸

28 февраля 1685 г. Шереметевым подписана «данная» Петра и Павловского Сироткина и Воскресенского новопостроенного Сигорицкого монастырей «строителю иеромонаху Гавриилу з братьею с писцовых книг на пустохранные земли церковей Рождества Христова в Голубиницах да Архангела Гавриила в Рожницкой засаде».²⁹ О Петропавловском монастыре в Серетке известно хорошо. О существовании Сигорицкого монастыря сведения отсутствуют. Этот документ – единственное свидетельство о его основании. По сведениям Н.А. Панова на 1913 г., «в погосте Сигорицы (Сигоричи) в 50 верстах от г. Острова находится храм во имя Воскресения Христова деревянный, построенный в 1736 г. помещиком села Сонино Иваном Ильиным Нагиным. Сведения о времени построения храма заимствованы из надписи, сохранившейся на местной иконе Воскресения Христова. В 1871 г. к храму пристроено два придела на пожертвования прихожан и из церковной суммы – 4500 рублей. Приделы посвящены во имя Св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и Казанской Божией Матери». При этом храме имелось 5 пустошей и селище в Сигорицкой губе Володимерецкого уезда. В приходе три деревянные часовни: одна на кладбище (1872 г.) из материала, оставшегося от прежней колокольни; другая – на источнике в 2-х верстах от церкви и третья – в деревне

Зехнове, последние неизвестно когда и кем построены. В 5 верстах от храма находится горка, покрытая лесом, на горке могилы, обложенные камнями, есть и каменные кресты. На пустоши Шиловка, в 9 верстах от храма тоже есть горка, поросшая лесом, и могилы, обложенные камнями. Здесь находили кадила и подсвечники. Предание говорит, что здесь стояла церковь».³⁰ Возможно, монастырь был небольшим, а постройки – деревянные, рано обветшавшие либо уничтоженные пожаром. Во всяком случае, в переписных книгах конца XVII в. в Сигорицах числится храм, а не монастырь.³¹

По описи А.С. Ляпустина,³² в музее до войны находилось напрестольное Евангелие печати 1685 г. Доски, обтянутые малиновым бархатом, украшения – одна накладка «из жести – вт/п XVIII в.». Источник его поступления неизвестен, но на верхней крышке изнутри была наклейка «Евангелие 1685 г. цер. пог. Сигорицы Остр. у.». Странно, но уже на рубеже XVII - XVIII вв. о монастыре в Сигорицах не помнили, а ведь Евангелие вполне могло быть вкладом Б.П. Шереметева в «новопостроенную» не без его участия обитель, следы которой, возможно, как раз те руины храмов и других построек, где находили церковную утварь в XIX – н. XX вв.

Земли, предоставленные воеводой строителю Гавриилу, находились здесь же, в Островском уезде. О них тоже сообщает Н.А. Панов: «Храм Рождества Христова в Голубиницах – сохранился», к 1913 г. при храме указано 6 пустошей в Никольской и 5 пустошей в Голубиницкой губах Володимерецкого уезда, одна пустошь была пополам с Великопустыньским монастырем. По преданию, древний храм находился неподалеку от деревни, на его месте («церковище») находится деревянная часовня».³³

В Пскове нового воеводу встретил замечательный человек – митрополит Маркелл (1682 - 1691). Вполне вероятно, они были знакомы ранее, поскольку оба присутствовали в июне 1682 г. при венчании на царство Иоанна и Петра. Считается, что преосвященный был родом из задунайских славян или греков, прежде служил в Посольском приказе переводчиком с греческого, латинского, немецкого, польского и татарского языков, был судьей

при Патриаршем дворе, строителем Брянского Свенского монастыря и архиепископом в Суздале, 6 сентября 1682 г. утвержден собором первым митрополитом в Псков.³⁴

Европейски образованный, энергичный митрополит по приезде нашел в епархии большие «неустройства» и принялся наводить порядок. Однако дело, видимо, не спорилось, что видно из многолетней переписки Маркелла с Московским правительством. Приведем содержание челобитных, ярко характеризующих положение церковных дел в Пскове, которое застал и Шереметев.

В челобитной от 20 марта 1685 г. митрополит жаловался, что в Пскове и его пригородах с уездами числится 160 церквей, «и над теми церквами архиереи воли не имеют, владеют мужики, а церкви все вотчинные, и теми вотчинами владеют и себя полнят и корыстуются сами, а архиерею непослушны, о чем указ пошлешь – не слушают и безчестят, на счет не идут, многая церковная казна пропадает за ними от давних лет, **наипаче нужда великая на книги, и священником нужд церковных исправлять не по чему; все книги по церквам старинные рукописные, и те от древности обветшали и развалились, а новоисправных книг искупить не хотят, а все для раскола церковного, чтобы новоисправным книгам не быть, и от того расколы церковные умножились**».³⁵

По поводу этой челобитной «государя указали и бояре приговорили»: «Во Пскове и в пригородах Псковских и в уездах все приходские церкви описать и в них всякое строение и **украшение, ризы и книги и иную утварь**». Вмешательство псковичей в интересы церквей и духовенства продолжалось и далее. В 1687 г. последовала новая жалоба митрополита, который говорит, что «в Пскове и в пригородах по епархии по древнему обыкновению многими церквами и тех приходских церквей крестьяны и всякими церковными угоды и доходы владеют посадские люди, священников у тех церквей держат и ружат собою малою ругою». Преосвященный опять указывает на то, что Псковская епархия – «малая и скудная», а архиерейские крестьяне если и существовали, то «в порубежных местах, и в военное время от польских и от немецких людей все разорены и пожжены

без остатку». С «церковных крестьян и угодий корыстуются и богатеют одни церковные старосты, посадские люди, и кто из них посадских людей в старостах не бывает, и те все торговыми промыслами промышленяют и каменные палаты себе строят, **а в церквах Божиих облачения и украшения вновь ничего не строят**».³⁶

Обратим внимание на ярко обрисованное Маркеллом крайне бедственное состояние церковного убранства и великую потребность в новых священных книгах, отсутствие которых, по мнению митрополита, способствует «церковному расколу», подразумевая усиление проблемы старообрядчества. Ситуация могла быть одной из существенных причин и импульсом для вкладов «новоисправных книг» в монастыри и храмы. Такой книгой стало и наше Евангелие – новое издание, вышедшее в 1681 г. в особом крупном формате.

Сам Маркелл делал щедрые вклады: литургические сосуды, кресты на престольные, Евангелия в драгоценных окладах, митру (некоторые из них сохранились). Книги вкладывались часто, в 1682 г. (при вступлении на кафедру) он дал в Троицкий собор Пролог и Евангелие учительное, такое же Евангелие – в монастырь св. Сергия Радонежского с Залужья и в ц. Константина и Елены в 1688 г. – это мизерная часть сохранившегося. Кстати, целую библиотеку привез в Сереткин монастырь Петра и Павла царь Федор Алексеевич в «своей государево богомолье» в 1677 г. (Минеи, Поучительные слова Ефрема Сирина, Беседы Иоанна Златоуста на Евангелистов Иоанна и Матфея, Беседы Григория Богослова, Василия Великого, Афанасия Александрийского, Иоанна Дамаскина (все хранятся в Древлехранилище Псковского музея).

На монастырском хозяйстве, в частности, на благосостоянии монастырских крестьян, неблагоприятно сказывалось уже не только вмешательство посадских людей, а и тяжесть государственных податей и повинностей. В к. XVI и в XVII вв. в монастырских письменных памятниках встречаем жалобы на тяжесть податей. В акте Снетогорского монастыря 1684 г., т.е. при Шереметеве, читаем: «Государственное богомолье оскудело вконец, а от великих налог и от пода-

тей их монастырские крестьяне, на правеже стоя, помирают голодом, из деревень бредут врозь».³⁷

Жалоба относится ко времени игуменства Иоиля, о деловитости которого можно судить по ежегодным регулярным «данным» монастырю в правление всех сменяющихся каждые два года воевод. В том же 1684 г. Б.П. Шереметевым в поддержку монастырю были даны две «данные», в июле – «на дворовое место в Среднем городе на Петровской улице, что было место дворовое Псковского наместника меньшого, где стоит церковь Иоанна Богослова»³⁸; в декабре «...боярин и воевода Борис Петрович Шереметев дал данную Снетогорского монастыря архимандриту Иоилю з братьей на дворовое и огородное их монастырские места в Запсковском конце в Жирковском сте, на котором месте жили того монастыря бывшего слуги Гаврилина жена Сидорова вдова Федосьица с сыном своим Гришкой. Для того ето в прошлом 1643 году архимандрит Арсений (1643 - 1647. – И.Р.) продал сроднику своему Гавриле Сидорову монастырское дворовое место и с погребом ...»³⁹ (Снетогорского монастыря служка Гаврила Сидоров не платил «оброчных денег с того места» многие годы, поэтому записано: «...а вдове Федосьице Сидоровой жене до того места дела нет... и хоромы с того места ей архимандриту приказать свести из домовой казны» ...)

Тогда же, в 1684 г. Шереметев дал грамоту Снетогорскому монастырю об освобождении монастырских крестьян от строительства в Гдове воеводского двора и Приказной избы. В подтверждение этой грамоты, по челобитной архимандрита Иоиля в 1686 г., воевода Ромодановский указал: «... ни в какое строение крестьян их волочить не велеть и о том послать воеводе (в Гдов. – И.Р.) память».⁴⁰

При воеводе Шереметеве были подтверждены и значительно приумножены все пожалованные ранее монастырю привилегии, владения и вотчины (начиная с грамоты Ивана Грозного и всех следующих государей, вплоть до Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софьи): «В 1685 году мая 5 числа по нашему государственному указу и по грамоте Снетогорского монастыря архимандриту Иоилю з братьею владеть землями

в Кобыльском уезде в Мыслогостицкой губе Николаевского монастыря, что в Заборовье, да в Кобыльском же уезде в Мелницкой губе церкви Архангела Михаила что в Мелнице на погосте по нашему указу и по грамоте и по данной нашего воеводы Б.П. Шереметева»⁴¹; «Архимандриту Иоилю на монастырские вотчины, на рыбные ловли, на пожни и нивы, на дворы и на дворовые и огородные, и садовые места; на мельницы, и на лавки и на иные оброчные всякие угодыя и на приписной монастырь Бориса и Глеба, что на Черехе реке».⁴²

В XVII в. Снетогорский монастырь был первым среди псковских монастырей (помимо Псково-Печерского) и, по замечанию митр. Евгения Болховитинова, «братство было многочисленным, отчинами снабжен с преимуществом». Как видим, архимандрит Иоиль делал много для процветания своей обители, всячески привлекая к ее нуждам внимание сильных покровителей. Среди последних бесспорно был воевода Шереметев, равнодушный к заботам братии.

Вернемся к истории Евангелия. Предпринятые поиски оклада в литературе второй половины XIX – нач. XX в., содержащей описание ризниц храма Варлаама Хутынского, где, по инвентарной книге 1937 г., он находился до поступления в музей, и Снетогорского монастыря (место вклада) не увенчались успехом, и лишь в описи 1860 г. Елеазаровской обители нашлось Евангелие в почти идентичном окладе.⁴³ «Почти», потому что описание поверхностно, чем грешат авторы краеведческой церковно-археологической литературы того времени. Оно было передано сюда вместе со всем прочим имуществом упраздненного в 1804 г. Снетогорского монастыря и выглядело так: «старинное Евангелие в окладе из цветной парчи с серебряными позолоченными ликами Евангелистов **пожертвовано в Снетогорский монастырь в 1686 году боярином Борисом Петровичем Шереметевым, как видно из надписи на внутренних загибах оклада**».

Известно, что время создания того или иного произведения необязательно должно совпадать с моментом его вклада, а может быть более ранним. Однако сохранившиеся памятники свидетельствуют о том, что если

Евангелие украшалось драгоценным окладом специально с целью его будущего пожертвования, то вкладная надпись исполнялась, как правило, на самом окладе. Наш оклад имеет несомненное сходство с приведенными выше содержанием и местом расположения вкладной надписи⁴⁴, благодаря чему появилась возможность восстановить недостающую часть утраченного текста «на внутренних загибах оклада»: итак, оклад был исполнен в 1686 г. Помимо того, мы находим подтверждение сделанному ранее выводу о месте вклада – в Снетогорский монастырь и объяснение факта использования в обеих надписях только титула – «боярин», без указания на воеводскую должность – в 1686 г. Б.П. Шереметев уже не был псковским воеводой. Единственный противоречивый момент в идентификации окладов – разные ткани, которыми оклеены доски – «цветная парча» и бархат. Самая простая версия разночтения лежит на поверхности – автор описания монастырской реликвии ошибся и назвал бархат парчой, а «цветная» – не значит пѣстрая, и может быть алого либо другого яркого «цвета». Однако более реален иной вариант. Выше уже было указано на сборный характер оклада, в его оформлении нельзя не заметить и некоторую небрежность: все детали убора несколько «сдвинуты» относительно центра и друг друга, подчеркивая впечатление, что сама доска «не родная» для убора, которому тесно в ее пространстве из-за недостаточной ширины – края средника почти находят на фигурки Архангелов, из них правый заметно выше левого; Серафимы расположены не по центру, орнаментальные полосы прибиты неровно. Оклад определенно претерпел изменения между 1860 г., когда книга еще находилась в Елеазаровском монастыре, и 1895 г., когда ее уже нет в ц. Варлаама Хутынского.

Сама книга к этому времени, видимо, сильно обветшала и была изъята из обращения. Драгоценные части оклада, тоже имевшие повреждения, были сохранены, а позже смонтированы на другую доску, переплетенную новой бархатной тканью. (Отсюда несоответствие пропорций слишком узкой доски и фрагментов убора.) Утраченные загнутые торцовые полосы (с частью надписи) тогда же сделаны заново, их позолота име-

ет другой оттенок в сравнении с золочением вертикальной полосы, несущей надпись XVII в., более желтый и яркий, присущий золотым изделиям XIX в., с концом которого и соотносится неосуществленный по какой-то причине замысел восстановления древнего убора оклада для переплета нового Евангелия, в практике церковного обихода явление закономерное: сборных окладов очень много, их поновляли в связи с заменой ветшавших книжных блоков.

Итак, Б.П. Шереметев пожаловал Евангелие уже не будучи в Пскове, он возвратился в Москву весной 1685 г. («данную» от 5 мая еще подтверждает его подпись, а от 15 мая – воеводы М. Ромодановского). Возобновляется общественно-политическая карьера Бориса Петровича. В марте 1686 г. в Москву для заключения союза против турок прибыли польские послы. Царский министр кн. Вас. Вас. Голицын для переговоров «в товарищи прибрал к себе из бояр и окольных четыре человека», среди других и Шереметева. Был подписан договор – «вечный мир» с поляками, расцененный как важная победа московской дипломатии, и Борису Петровичу она принесла звание «ближнего боярина и наместника Вятского». Во главе огромного посольства он едет в Польшу за ратификацией договора, а затем с визитом в Вену, уведомить о заключении мира с поляками императора Леопольда. Здесь любопытно замечание биографа о том, что Шереметев сумел стать приятным гостем во дворце, где часто играл с королевой в карты. За блестяще выполненную миссию ему было «учинено от государя награждение»: «кубок серебряный золоченой весом в 5 фунтов, кафтан атласный золотной с золотыми травами на соболях ценю в 250 рублей; к прежнему окладу придачи 150 рублей, да на вотчину 4000 ефимков»; чуть позже дано «в Дмитровском, Орловском и Коломенском уездах в вотчину 515 четвертей с осминою, 2000 ефимков и разными ценными вещами», а от австрийского императора – «разной серебряной утвари до трех пудов». Вскоре после завершения славных дел на дипломатическом поприще Шереметев получил направление на должность воеводы в Белгород, где восемь лет кряду (с 1687 по 1695) возглавлял охрану южной границы от

татарских набегов и отличился в азовских походах против турок.

Таким образом, половину 1685 г. и почти весь 1686 г. Борис Петрович находился за рубежом. Каким же способом был осуществлен вклад – непосредственно Шереметевым или псковскими посадниками по договоренности с ним, или книга была доставлена в Псков каким-то третьим лицом? К сожалению, все варианты ответа лежат в плоскости гипотез. Это тот случай, когда вопрос навсегда останется открытым.

Конечно, заманчиво предположить визит в Псков бывшего воеводы. Событие могло иметь место в связи с какой-то необходимостью служебного, а может быть, и личного свойства. Насколько известно, вотчин и поместий у Шереметева здесь не было, а следовательно, проблемы контроля за хозяйством не заботили. Зато в контексте его приверженности к активной благотворительности, как проявлению важной составляющей христианских добродетелей на пути к Богу, нельзя исключить поездку – «богомолье» к псковским святыням и потребность в общении с авторитетными духовными пастырями в лице митрополита Маркелла и снетогорского игумена Иоилия, встреча с которыми в своё время безусловно не прошла для Шереметева бесследно. И теперь он мог внести достойную лепту в хорошо знакомую обитель, о благосостоянии которой радел и раньше. Однако никакими сведениями о пребывании Шереметева в Пскове в этот период мы не располагаем.

Самое сложное в том, что, как говорилось ранее, сам оклад практически невозможно связать точно с определенным местом производства: был ли сделан в Москве, собран в Пскове с использованием заготовок – набора частей оклада, которыми торговали в Серебряном ряду в Москве, сработан целиком псковскими мастерами по образцу, имевшему общерусское хождение. Последнему варианту не противоречит высокий профессионализм исполнения (псковская «школа» среброделия очевидна в XVI - XVII вв.), более того, только тогда становится объяснимым наличие в надписи в качестве вкладчиков псковских посадников и ошибка в написании фамилии как «Шереметов», что вряд ли не заметил бы за-

казчик Шереметев будучи непосредственным зрителем выполненного изделия.

Когда, как и в связи с чем возник замысел общего вклада, объединены средства для приобретения драгоценной книги, участвовал ли сам Борис Петрович в выборе художественного решения убора – неизвестно. Несомненно, он знал и ценил произведения искусства – изделия «доброго мастерства» сопровождали его в повседневной жизни, украшая боярские хоромы и домовые церкви. Замечательный складень – кузов работы иконописцев Оружейной палаты к. XVII в. (Останкинский дворец-музей),⁴⁵ по преданию, принадлежавший Борису Петровичу, говорит об изысканном вкусе владельца, которым мог быть продиктован и выбор оклада столь высокого качества для псковского Евангелия.

Но для нас важен сам факт его существования – единственного сегодня памятника материальной культуры, удостоверяющего связь с Псковом Б.П. Шереметева – воеводы. В дальнейшем Псков стал для него городом судьбоносным. Отсюда с началом Северной войны кавалерийский корпус под командованием Шереметева выступил в поход «за свейский рубеж» и, разгромив шведов при Эресфере, вернулся в Псков 4 января 1702 г. Это была первая победа, значение которой Петр оценил так: «Мы можем, наконец, бить шведов!» Борис Петрович получил чин фельдмаршала, золотой кавалерийский знак, орден св. Андрея Первозванного и царский портрет, украшенный бриллиантами.

Псков еще помнил воеводу и гордился фельдмаршалом: митрополит Иосиф, духовенство и псковичи торжественно, с крестами встретили победителя, сопровождали в Троицкий собор, отслужили литургию, а «после молебного пения из пушек и из мелкого ружья за шастливую викторию стреляли» возле дома генерала. Столица тоже ликовала – пушечной стрельбой, звоном колоколов, угощением народа вином, пивом и мёдом, а также разными «потехами».

Позже эта первая русская победа сделала Шереметева героем народных песен былинного характера, возникших в солдатской среде. В них фельдмаршал остался для потомков навсегда связанным с Псковом:

Не грозная туча восставала,
 Не част – крупен дождик выпадает:
 Из славного из города из Пскова
 Подымался царев большой боярин
 Граф Борис сударь Петрович Шереметев.
 Он с конницею и со драгуны,
 Со всею московскою пехотою ...»

Нужно отметить, что популярность Шереметева в солдатской среде была заслуженной, что отмечалось современниками. В частности, английский посол Витворт написал, что фельдмаршал был «чрезвычайно любимый в своих поместьях и простыми солдатами». Действительно, он не только проявлял постоянную заботу о солдатских нуждах, но мог и рисковать своей жизнью ради других, так известно, что с риском для жизни он спас от смерти солдата во время Прутского похода. Рисковал Борис Петрович и отказавшись участвовать в суде над несчастным царевичем Алексеем и даже выражал ему сочувствие, чем вызвал гнев самодержца.

Совершая поступки, требующие определенного мужества, он, видимо, соизмерял их с христианскими заповедями, нравственное содержание которых вносило смысл в его жизнь, насыщенную не только победами в баталиях, но и тяжелыми испытаниями.

Вся вторая половина жизни Бориса Петровича была отдана военной службе: он организовал прекрасное материальное снабжение и обучение войск; попутно усмирил восстание стрельцов в Астрахани, за что получил графский титул (1706); участвовал в Полтавском сражении – командовал центром – и был ранен; руководил войсками в длительном, полном невзгод, походе и жестоких сражениях против османов. Тяжесть войны усугублялась душевными переживаниями о судьбе сына Михаила, отправленного в ставку султана в качестве «аманата» (заложника) – гаранта выполнения условий мирного договора. (Михаил Борисович умер на обратном пути в Россию в 1714 г.)

С возрастом фельдмаршал стал тяготиться суетой мирской жизни под суровым царским оком. Он уже давно был вдов и в 1712 г. решил было отойти от дел, избрав местом своего уединения любимую Киевскую Лавру. Планам отшельнической жизни не

было суждено сбыться. Петр во что бы то ни стало хотел удержать Шереметева при армии и с этой целью велел ему вернуться в Петербург и жениться. Отказаться было невозможно, и в марте 1712 г. состоялось его бракосочетание с Анной Петровной Салтыковой, 17-летней вдовой дяди Петра, Льва Кирилловича Нарышкина, родного брата матери царя. По воспоминаниям современников, «была сия достойнейшая особа, которая умела превратить мысли его на любовь и своей любовью усладила достальные лета жизни его».

Государева служба пошла своим чередом. Однако сил становилось всё меньше, 25 марта 1718 г., будучи в Москве, Борис Петрович составил известное духовное завещание и назначил место погребения – в Киево-Печерской Лавре рядом с сыном Михаилом, а 17 февраля 1719 г. скончался. Однако, Петр велел похоронить своего первого фельдмаршала в пантеоне новой столицы, в Александро-Невской лавре, что и свершилось 10 апреля 1719 г. Спустя некоторое время, вспомнив про Шереметева, царь сказал: «Нет уже Бориса Петровича, скоро не будет и нас, но его храбрость и верная служба не умрут и всегда будут памятны в России».

Интересно, что никто из детей Шереметева не прославился ни на военной, ни на гражданской службе, разве только несметным богатством. И лишь одна дочь от второго брака, Наталья Борисовна, оказалась достойной своего родителя. Ее трагическая и подвижническая судьба обожгла сердца современников и осталась в памяти потомков.⁴⁶

Ей было 5 лет, когда умер отец, в 15 – осиротела совсем, а вскоре стала нареченной невестой кн. Ивана Долгорукова, фаворита Петра II, умершего в 1730 г. накануне бракосочетания с сестрой Ивана Екатериной (портрет «государыни невесты» Екатерины Долгоруковой есть в Картинной галерее Псковского музея). С воцарением герцогини курляндской Анны Иоанновны Долгоруковы подверглись опале, и, будучи еще невестой, а не женой, Наталья Борисовна добровольно отправилась с Иваном в сибирскую ссылку в Березов. Ей советовали не подвергаться риску и отказаться от жениха. Вот что пишет она в оставленных ею записках: «Честная ли совесть, когда он был велик, так с удоволь-

ствием шла за него, а когда стал несчастлив – отказать ему? Я такому совету согласия дать не могла и так положила свое намерение жить или умереть вместе».

После 11 лет жизни в Березове чету Долгоруковых постиг новый удар – по доносу в 1739 г. Ивана отвезли на суд в Новгород, где предали пыткам и жестокой казни (четвертовали). Об участи мужа Наталья Борисовна узнала лишь в 1741 г., когда на престол вступила императрица Елизавета Петровна, которая вернула ей свободу и прежнее звание.

На могиле мужа она соорудила церковь во имя Рождества Христова, стала жить уединенно, избегая двора и, наконец, удалилась в Киевскую Флоровскую обитель, где постриглась с именем Нектарии, позднее приняла великую схиму, умерла в 1771 г. Так Наталья Борисовна осуществила мечту отца и нашла не только «жительство» в монастыре, но и вечное упокоение там, где хотел он, – в Киево-Печерской Лавре. Объясняя цель своих записок, она пишет: «Господи, дай мне силы изъяснить мои беды, чтобы могла их описать для знания желающих и для утешения печальных, чтобы, помня меня, утешились. И я была человек, все дни жизни своей проводила в бедах и все опробовала: гонения, странствования, нищету, разлучение с милым – все, что кто может вздумать. Я не хвалюсь своим терпением, но о милости Божией похваюсь, что Он мне дал столько силы, что я перенесла и по сие время несу; невозможно бы человеку смертному такие удары понести, когда бы не свыше сила Господня подкрепляла». Инокня Нектария и в своих благодеяниях шла по пути отца: знаменитую Десятинную церковь, заложенную еще св. кн. Владимиром, которая горела, разрушалась до основания Батыем, была возобновлена Петром Могилой в XVII в., а в XVIII в. пришла в ветхость, «поправила старица Флоровского монастыря Нектария, бывшая кн. Долгорукова».⁴⁷

Некоторые известные и безымянные представители рода Шереметевых оставили следы пребывания на псковской земле в XVIII в. Так, в Синодик ц. Богоматери Грузинской погоста Нёготь Псковского уезда⁴⁸, датированный двумя первыми десятилетиями (первой четвертью) XVIII столетия, вписан «род боярина Бориса Петровича Ше-

реметева» со следующими именами, поддающимися расшифровке: «Петра» – отца Бориса Петровича (ум. 1690), «Бориса» – самого фельдмаршала (ум. 1719), «Евдокии» – первой жены Бориса Петровича (ум. до 1697), «Михаила» – сына (1672 - 1714) и «Софии» – дочери (1671 - 1694) Шереметева. Казалось бы, помянник вельможного семейства в Синодике храма из псковской глубинки, где не было их владений, не совсем понятное явление. Однако погост Нёготь в те времена не был забытым краем, он вместе с другим погостом, Кусвой, на противоположном берегу р. Великой, входил в дворцовую волость, где находился «подъезжий дворец» государыни Прасковьи Федоровны (1664 - 1723), вдовствующей супруги царя Иоанна Алексеевича. Сюда она приезжала неоднократно (в 1716, 1718, 1723-?) вместе с дочерьми Анной (впоследствии императрицей) и Прасковьей, делала многие вклады в женский Иоанно-Предтеченский монастырь.⁴⁹

В свите Прасковьи Федоровны или в качестве гостыи могла находиться вдова Б.П. Шереметева Анна Петровна, которая приходилась родственницей царице – обе они урожденные Салтыковы. Впрочем, и статус вдовы дяди Петра I вводил ее в ближайший круг царского двора. Именно Анна Петровна могла составить помянный список для Синодика храма, расположенного вблизи летних хором царицы, где она могла бывать. Ко времени записи остальные члены «рода Шереметевых» были живы (дочь Бориса Петровича от первого брака Анна умерла в 1732 г.), сама Анна Петровна умерла в 1728 г., оставив детей-подростков. Конечно, осуществить замысел непосредственно на месте мог кто-то другой, как и сделать соответствующий вклад, отметки о котором в Синодике нет, что не исключает его возможности.

На псковской земле оставил о себе добрые воспоминания внук Бориса Петровича Шереметева граф Николай Петрович. В 1797 - 1798 гг. он пожертвовал в Крыпецкий монастырь солидную сумму – 33000 рублей на устройство серебряной, позолоченной, украшенной чернью раки преп. Никандру Псковскому, двух огромных чеканных серебряных с чернью подсвечников и окладов на три главные иконы в Благовещенской собор

обитатели: наместные – Спасителя и Богоматери «Знамение» и храмовую – «Благовещенье». Благодарные иноки поместили в ризнице «резной, вызолоченной меди» портрет дарителя.⁵⁰ Во вт/п XIX в. при игумене Игнатии представители этой аристократической фамилии тоже участвовали в судьбе Никандровой пустыни.⁵¹

Итак, вкладная надпись послужила отправной точкой для атрибуции оклада, в свою очередь, последняя явилась поводом обратиться

к хорошо известной личности фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, вписавшего яркую страницу в историю России, имя которого стало значимым и для истории Псковской земли, сохранившей крупницы сведений о его деятельности на поприще псковского воеводы. Тема нуждается в дополнительном изучении, к чему побуждает новооткрытый оклад – его можно отнести к числу исторических раритетов, пополнивших небогатое в этом отношении музейное собрание.

Примечания

1. ПГОИАХМЗ. Оклада Евангелия верхняя доска. Р. 45,5 x 28, инв. № 359.
2. *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV-XV веков. М., 1966. С. 73.
3. *Родникова И.С.* Художественное серебро // Псков. Памятники истории, культуры, архитектуры. Т. 1. М., 2003. С. 315, 338-339 (ил.).
4. *Плешанова Н.И., Лихачева Л.Д.* Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985. С. 203, № 77.
5. ГММК. Инв. № КН-10.
6. ПГОИАХМЗ. Инв. № 370.
7. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Инв. №№ В-21, В-16.
8. НГМ. Инв. № ДРМ-1098.
9. ГММК. Инв. №№ КН-116, Ж-898/2.
10. ПГОИАХМЗ, отдел учета. Инвентарная книга учета драгметаллов. 1937 г. № 534, старый № 1339.
11. *Тимошенкова З.А.* Шереметев Борис Петрович // Псковский биографический словарь. Псков, 2002. С. 502.
12. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1870. Ст. 391.
13. Отсутствует упоминание об этом периоде жизни Б.П. Шереметева даже в основных трудах: Записка путешествия генерала фельдмаршала российских войск, тайного советника и Кавалера Мальтийского, св. апостола Андрея, Белого Орла и Прусского ордена графа Бориса Петровича Шереметева, в тогдашние времена бывшего ближнего боярина и наместника Вятского в Европейския государства в Краков, в Вену, в Венецию, в Рим и на Мальтийский остров, изданная по подлинному описанию, находящемуся в библиотеке сына его господина обер-камергера, генерал-аншефа, сенатора и Кавалера св. апостола Андрея, св. Александра Невского, Белого Орла и св. Анны графа Петра Борисовича Шереметева. М., 1773. («Записку» предваряет статья о роде Шереметевых и биография Бориса Петровича); *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989; *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.
14. В данной статье использованы биографические сведения из вышеназванных работ.
15. *Аракчеев В.А.* Средневековый Псков. Власть, общество, повседневная жизнь в XV-XVII веках. Псков, 2004. С. 170.
16. См. прим. № 11.
17. Сб. МАМЮ. Т. 6. М., 1914. С. 199.
18. *Кирпичников А.Н.* Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб., 1995. С. 58, 25-28.
19. Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 191-192, 194, 198.
20. Псковские акты собрания А.Ф. Бычкова 1623-1698 гг. Каталог // РНБ. Сост. Г.П. Енин. СПб., 1997. №№ 312, 316, 327.
21. Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 220.
22. Псковские акты. С. 371.
23. *Заозерский А.И.* Указ. соч. С. 26-27.
24. Там же. С. 32.
25. *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам русским. М., 1990. С. 177. (Репринт. Ч. II. СПб., 1846.)
26. ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 228, № 3/648/1950.

27. Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 476.
28. Архим. Тихон (Секретарев). Врата Небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Печоры, 2007. С. 601.
29. ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 704, № 8/625.
30. *Панов Н.А.* Летопись города Острова и его уезда Псковской губернии. Остров, 1913. С. 117.
31. *Суворов И.* Псковское церковное землевладение в XVI-XVII в. // ЖМНП. 1906, май. С. 16.
32. ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Фонд музея. *Ляпустин А.С.* Краткое описание старинных книг Псковского историко-археологического музея. 1923-1926 гг. (рукопись) № 98.
33. *Панов Н.А.* Указ. соч. С. 116.
34. *Смиречанский В.* Историко-статистический сборник сведений о Псковской епархии. Остров, 1895. С. 44.
35. То же. Издание: Псков, 1875. С. 211.
36. Там же. С. 212, 213.
37. *Серебрянский Н.* Очерки по истории монастырской жизни во Псковской земле. М., 1908. С. 438, 439.
38. ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 724, д. 592.
39. ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 724, д. 593.
40. Псковские акты. № 396.
41. *Токмаков И.Ф.* Снетогорский монастырь (библиография и материалы). Псков, 1887. С. 78.
42. Там же. С. 73.
43. *Миротворцев М.* Спасо-Елеазаровский монастырь // Памятная книжка Псковской губернии на 1860 г. С. 42.
44. Аналогия последнему – на верхней доске оклада Евангелия псковской работы, вложенного в 1681 г. в церковь «Богоявления Гня зовой Бродовь» (ПГОИАХМЗ, инв. № 358).
45. Произведения иконописцев Оружейной палаты Московского Кремля из собрания Останкинского дворца-музея. Каталог. М., 1992. Кат. № 14.
46. См. о ней: *Шереметев С.Д.* Схимонахиня Нектария (Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова, дочь фельдмаршала Шереметева). М., 1909; *Монахиня Таисия.* Русское православное женское монашество. Минск, 2006. С. 22-25.
47. Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., б/г. Ст. 728.
48. Синодик ц. Богоматери Грузинской. ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 345, л. 54 об.
49. *Панов А.* Описание Псковского Иоанно-Предтеченского женского монастыря. СПб., 1874. С. 73.
50. *Миротворцев М.* Никандрова пустынь // Памятная книжка Псковской губернии на 1861 г. С. 17, 23, 24; *Любимов В.* Статистическо-географический словарь Порховского уезда Псковской губернии. Псков, 1896. (Репринт). В: Порхов и его уезд. Сб. дореволюционных публикаций. Сост. Н.Ф. Левин. Псков, 2005. С. 360.
51. *Лебедев Е.* К истории Свято-Благовещенской Никандровой пустыни // ПЕВ, 1896. №№ XVIII-XX. (Репринт.). В: Порхов и его уезд. С. 295.

Оклад Евангелия
(Псковский музей-заповедник)

Б. П. Шереметев

Екатерина Долгорукова